

Матушка Кураж и ее дети...

ГАСТРОЛИ «БЕРЛИНЕР АНСАМБЛЬ»

Сцена из спектакля «Матушка Кураж». Эйлиф — Энехард Шалль, Катрин — Ангелика Хурвич, матушка Кураж — Елена Вайгель. Фото Е. ЯВНО.

МЫ ЗНАЕМ в истории театра факты, которые приобрели для нас значение явлений не только искусства, но и жизни. В них как бы спрессовано широкое жизненное и социальное содержание, образно выражена глубокая мысль, большая идея времени. Таким почти символически звучащим для нас образом в искусстве стал знаменитый фургон матушки Кураж.

Вот он, как будто бы обыкновенный, похожий, наверное, на многие фургоны маркитанок далекого от нас времени, но такой неповторимый, такой особенный, словно отразился в нем дух его хозяев. Весело катится он в начале спектакля по дороге. С бравой песней, привычно поддерживая на плечах брезентовые лямки, тащат его два юноши, сыновья Анны Фирлинг. Мерно раскачиваются по бокам фургона солдатские сапоги, ремни, ведра... А пониже, над самыми колесами, из-под покрывающего фургон серого плотного брезента выглядывает бочка вина... У каждой вещи свое привычное место, во всем чувствуется заботливая хозяйская рука. Удобно устроилась на передке фургона чуть задремавшая под мерное покачивание матушка Кураж, рядом с ней притулилась Катрин, подыгрывающая братьям на губной гармошке. Во всем чувствуется что-то очень обжитое, покойное, уютное. И мы сразу верим — сколько бесконечных дорог исколесил фургон с его обитателями, как зимой и летом, в жару и стужу, под звуки гармоники Катрин и зазывной песни матушки Кураж, катился он из страны в страну в поисках удачи...

И вот финал. Одряхлевший, с зияющими дырами порванного брезента, пустой, холодный, нищий, одиноко стоит фургон посреди сцены. И такая же старая и жалкая, как ее фургон, в лохмотьях, с изможденным лицом, туго и бессильно берется матушка Кураж за веревочные лямки. Равнодушно и машинально закидывает она одну лямку во внутрь фургона, прилаживает другую к деревянной палке и, тяжело наклонившись, как смертельно уставшая слепая лошадь, впрягается в него. Еле волоча ноги, сгорбившись почти до земли, словно придавленная невыно-

симой тяжестью, тащит матушка Кураж свое единственное сокровище, все, что осталось у нее в жизни! Медленно темнеет на сцене, но мы еще долго видим, как движется фургон, как все ниже и ниже склоняется матушка Кураж...

Перед нами прошла жизнь, жизнь матушки Кураж и ее фургона.

События, которые прошли перед нами в спектакле, — трагические события. Но трагедия решается театром в необычном ключе. Уж очень ровно, словно бы даже покойно, не спеша разворачивается действие. Нет в спектакле ни всплесков трагического темперамента, ни повышенных эмоций, ни обнаженных душевных переживаний героев. Эпически мудро повествует театр о трагедии людей, о страшной, уничтожающей жизнь стихии войны. Не случайно Бертольт Брехт назвал свою пьесу и постановку хроникой из времен 30-летней войны. Да, мы не ощущаем пафоса трагедии по ходу спектакля. Но зато, покидая театр, мы уносим с собой такое глубокое, такое острое и захватывающее осознание смысла раскрытой перед нами трагедии народа, такое сильное потрясение мыслью, что долго еще находимся в плену этого строгого и умного искусства.

Писатель и режиссер, как свидетельствует об этом спектакль, поставил перед собой задачу чрезвычайной сложности и своеобразия. Он осуждает матушку Кураж, делает ее самой виновницей всех несчастий, и потому не она должна нести протест против несправедливой войны. Нет. Но протест этот должна вызвать у зрителя ее судьба. Война несет разорение, голод, болезнь, опустошение — говорит спектакль. Война уродует человеческую психологию, разрушает понятие о добре, о долге и честности. Война разбивает человеческие жизни, рушит идеалы, принижает достоинства человека, она сеет среди людей ложь, предательство, лицемерие. Герои пьесы, волю или неволю, подчиняются законам войны, покорно принимают ее неизбежность, помогают ей своим смирением. Мало того, матушка Кураж даже пытается использовать войну, надеясь построить на ней свое благополучие.

Вызвать у зрителя гневный протест против этого смирения и покорности, против рабского терпения и слепого своекорыстного эгоизма стремился Брехт своим спектаклем. Народы должны восстать против войны, они в силах предотвратить ее неизбежность.

Перед лицом войны не должно быть слабых и бессильных, не должно быть беспомощных людей — говорит спектакль. Каждый честный человек может и должен вмешиваться в жизнь, влиять на нее. Недаром же никто другой, а немая Катрин, дочь матушки Кураж, самое слабое и самое беспомощное существо в пьесе, оказывается героем, человеком, нашедшим в себе мужество, ценою своей жизни спасти мирный спящий город от нападения вражеских войск. И может быть, особая тонкость драматурга и философа Брехта в данном случае сказывается в том, что силы протеста против войны находят в себе человек, свободный от всякого эгоизма, лишенный житейских, личных расчетов. В этом мужественно-трогательном в своей простоте образе открывается нам естественная, нетронутая и чистая душа человека, душа народа.

Написанная в 1938 году, пьеса Брехта «Матушка Кураж и ее дети» служила грозным пророческим предостережением, обращенным к народам своей страны. Она и сегодня, как набатный колокол, призывает чело-

веческого сердца, как бы говорит ее немая Катрин, решаясь на смерть. Смело и беспощадно выносит свой приговор над Иветтой Потье артистка Регина Луц, рисуя в первой половине роли запутавшуюся деревенскую девчонку, а в финале спектакля — вульгарную мешанку, цинично купившую свое благополучие.

Точностью и глубиной психологического анализа характеров, выразительным пластическим рисунком отмечено исполнение Энехардом Шаллем роли Эйлифа и Хейнцем Шубертом роли Швейцерхаса. Когда Энехард Шалль поет и танцует свою «зонгу», упоенный фанатической воинственностью, перед нами в памяти невольно встают фигуры оголтелых фашистских молодчиков...

«Мы определяем нашу эстетику, равно, как и нашу этику, потребностями борьбы», — писал Бертольт Брехт. Работа театра — красноречивое подтверждение этого. Спектакль «Берлинер Ансамбля» — пример бо-

мостков сцены. Вот тут и возникает то особое взаимодействие творцов спектакля со зрителем, которое рождает у него активное отношение к происходящему на сцене, включает его в своеобразный философский диспут.

Художники Тео Отто и Генрих Кильгер решают спектакль строго, с почти аскетическим лаконизмом. Условность оформления нужна им для наиболее устремленного и точного донесения мысли. На сцене нет ничего лишнего, отвлекающего, рассеивающего внимание зрителей. Атмосфера создается лишь необходимыми деталями. Обнаженная, открытая до горизонта сцена, спускающиеся сверху огромные, опутанные проволокой, железные буквы с названиями мест действия; растянутый серо-зеленый брезент, напоминающий современную плащ-палатку, который составляет фон, — вот, пожалуй, то главное в декорационном решении, что создает атмосферу войны, передает нам ее суровый колорит. Ничего наглядного, никаких иллюзий.

Неожиданно воспринимается и световое оформление постановки. Мы помним, когда действие происходит утром — когда непричесанная Кураж, отодвигая занавеску, выглядывает из фургона, а священник вылезает из-под него, — там он ночевал. Мы понимаем, когда действие происходит поздним вечером и фургон останавливается у маленькой крестьянской хижинки, откуда доносится песня, и луч света из окон падает на Кураж и Катрин, тянущих свою кибитку. Но и в том, и другом случае на сцене одинаково ровный, спокойный, ясный свет. Театр не рисует светом ни дня, ни ночи, ни вечера. Ему не нужно создавать зрителю настроение, не нужно играть на его чувствах, помогать его переживаниям. Театр помогает зрителю думать, размышлять над поступками героев, анализировать логику их характеров. Очевидно, одну из задач такого рода призваны решать «зонги» — своеобразные песенки, которые исполняются актерами на публику, прерывающие действие, останавливающие его естественный ход. Актеры как бы рассказывают в этих песнях о своих героях, комментируют события, происходящие на сцене, оценивают их.

Театр Брехта — театр мысли, и все, что может хоть сколько-нибудь ослабить его действие, кажется лишним. В искусстве что не прибавляет — то отнимает, что не плюс — то минус. Наверное, этому жестокому и мужественному требованию следует в своей работе творческий коллектив театра.

Творческие принципы искусства «Берлинер Ансамбля» естественно находят свое выражение и в работе его актеров. За Еленой Вайгель, исполняющей роль матушки Кураж, можно следить неотрывно, не переставая восхищаться тончайшим мастерством актрисы, глубиной и мудрой лаконичностью ее искусства.

С покоряющей силой и уверенностью мастера играет Эрнст Буш роль повара. Одинаково совершенно владеет актер и тонкими комедийными красками, и красками трагического искусства. Беспредельной тоской одиночества веет от его скорбной фигуры, с головы до ног замотанной платками и тряпками, когда он, покинутый матушкой Кураж, в непогоду, шатаясь от ветра, уходит вдаль.

Удивительно цельный и ясный образ Катрин создает в спектакле артистка Ангелика Хурвич. Необычайно трудно было избежать в обрисовке этого характера чувствительности и умиления. Актриса не позволяет жалеть свою героиню, не позволяет сочувствовать ей. Сознательно не допуская героизации образа, играет актриса свой знаменитый финал, когда она, забравшись на крышу сарая, бьет в барабан, поднимая тревогу в городе. Героизм — это естественное и простое движение большого человеческого сердца, как бы говорит ее немая Катрин, решаясь на смерть.

Смело и беспощадно выносит свой приговор над Иветтой Потье артистка Регина Луц, рисуя в первой половине роли запутавшуюся деревенскую девчонку, а в финале спектакля — вульгарную мешанку, цинично купившую свое благополучие.

Точностью и глубиной психологического анализа характеров, выразительным пластическим рисунком отмечено исполнение Энехардом Шаллем роли Эйлифа и Хейнцем Шубертом роли Швейцерхаса. Когда Энехард Шалль поет и танцует свою «зонгу», упоенный фанатической воинственностью, перед нами в памяти невольно встают фигуры оголтелых фашистских молодчиков...

«Мы определяем нашу эстетику, равно, как и нашу этику, потребностями борьбы», — писал Бертольт Брехт. Работа театра — красноречивое подтверждение этого. Спектакль «Берлинер Ансамбля» — пример бо-